МАРТА ЛИВНЕВА

Жить после тебя

Марта Ливнева

Жить после тебя

«Автор»
2026

Ливнева М.

Жить после тебя / М. Ливнева — «Автор», 2026

«Я почти дома», — сказал Никита. Через двадцать минут его не стало.Четырнадцать месяцев Лиза живёт так, будто каждое утро нужно заново учиться дышать. Она приезжает в Бережск, чтобы помочь спасти старую библиотеку — место, где когда-то встретила своего жениха.Артём — инженер, который обследует аварийное здание. Он один воспитывает дочь, привык принимать решения за других и скрывает договор, о котором Лизе следовало узнать сразу.Лиза не собиралась начинать новую жизнь. Тем более — влюбляться. Но, пытаясь удержать память о погибшем, она сама совершает ошибку, за которую придётся отвечать. А доверие к Артёму оказывается куда труднее восстановить, чем старое здание.История о потере, праве на счастье и любви, которая не требует забывать.

© Ливнева М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Двадцать два сорок семь 5
Глава 2. Дом на Пионерской 7
Глава 3. Девочка с жёлтыми варежками 10
Глава 4. Письма в будущее 12
Глава 5. Суббота с гвоздями 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Марта Ливнева
Жить после тебя

Глава 1. Двадцать два сорок семь

В тот вечер Никита позвонил мне за двадцать минут до аварии и вместо приветствия спросил:

— Ты опять забыла купить мандарины.

Я стояла на кухне босиком, прижимая телефон плечом к уху, и пыталась одной рукой открыть пакет с гречкой. За окном валил мокрый снег. Такой бывает в начале декабря: не успевает коснуться асфальта, как превращается в холодную грязь.

— А ты опять забыл, что у нас есть яблоки, — ответила я. — Никита, не отвлекайся за рулём.

— Я на парковке. У меня целых три минуты, пока прогревается машина. Вполне хватит, чтобы признаться тебе в любви.

— Тогда признавайся.

Он помолчал. На заднем плане пискнула сигнализация соседней машины, кто-то нетерпеливо посигналил.

— Я купил тебе мандарины. И ещё кое-что.

— Не говори, что опять этот ужасный плед с оленями.

— Ничего не скажу. Пусть олени останутся интригой.

Я рассмеялась. От смеха стало теплее, хотя батареи в нашей съёмной квартире едва грели. Никита обещал до Нового года разобраться с управляющей компанией, а я — перестать складывать влажные носки на батарею. Мы оба понимали, что обещания эти почти невыполнимы.

— Сколько тебе ехать?

— Минут двадцать. Я почти дома, Лис.

Он называл меня Лисой с первого дня знакомства, потому что я покраснела, когда он спросил в читальном зале, свободен ли стул. Я потом долго убеждала его, что волосы у меня вовсе не рыжие, а каштановые. Никита соглашался и продолжал звать Лисой.

— Езжай осторожно, — сказала я.

— Сейчас поеду. Только пристрою твой сюрприз, а то он падает с сиденья.

В трубке зашуршало, и звонок оборвался. Я не стала перезванивать: решила, что Никита уже завёл машину.

В двадцать два сорок семь я поставила воду для гречки. Потом проверила телефон: ничего нового. Я тогда ещё не знала, что именно эту минуту назовут временем аварии.

В двадцать два пятьдесят две отправила сообщение: «Купи хлеба, если ещё рядом с магазином».

В двадцать три семнадцать написала: «Никит, ты где?»

В двадцать три тридцать четыре я впервые испугалась. Снег за окном превратился в ледяной дождь. Машины по проспекту ехали медленно; у одной буксовали колёса у перекрёстка. Никита не отвечал.

Я позвонила его другу Олегу, потом в торговый центр, где он забирал заказ. Мне сказали, что молодой человек в серой куртке забрал пакет около десяти двадцати. Мне стало нечем дышать, хотя в квартире был всё тот же воздух, те же лампы и забытый пакет гречки на столе.

В полночь раздался звонок в дверь.

Я бросилась открывать, ещё успев разозлиться: телефон разрядился, конечно, забыл зарядку, ну что за человек! На площадке стояли двое полицейских. Один держал в руках чёрный блокнот, второй посмотрел на мои босые ступни.

— Вы Елизавета Миронова?

— Да.

— Никита Сергеевич Белов проживает по этому адресу?

Я не помню, как они прошли в квартиру. Не помню, кто выключил плиту с остывшей водой. Помню только белый прямоугольник света из прихожей и тонкий след грязи на полу, оставленный чужим ботинком.

Никита попал в аварию на развязке. Водитель грузовика не справился с управлением на обледеневшем спуске. Сказали, что врачи приехали быстро. Сказали, что он не мучился. Человек с блокнотом произнёс ещё много правильных слов, ни одного из которых я не смогла принять.

— Вы ошиблись, — сказала я наконец. — Он обещал приехать.

Полицейский отвёл взгляд.

На следующий день мне вернули его телефон в прозрачном пакете. Экран был разбит, но сообщение про хлеб так и осталось непрочитанным. Вместе с телефоном выдали ключи, чек из продуктового и бумажный пакет, смятый по краям. Внутри лежали мандарины и маленький деревянный домик — ёлочная игрушка с красной крышей. Я когда-то остановилась перед витриной и сказала, что у нас нет своего дома, зато на ёлке он может быть.

Через неделю Никиту похоронили. Его мать обняла меня так сильно, что у меня заболели рёбра. Кто-то говорил о том, каким он был добрым. Кто-то просил держаться. Я кивала, не понимая, за что именно нужно держаться, если весь мир вдруг стал гладким, как лёд.

В январе я убрала две его рубашки в шкаф, потому что не могла каждый день видеть их на спинке стула. В феврале перестала ждать звука ключа в замке ровно в семь вечера. В апреле впервые за всё это время купила мандарины. Съела одну дольку и выбросила остальные.

Через четырнадцать месяцев я всё ещё не могла дослушать голосовое сообщение, которое он прислал утром того же дня. Там было всего семь секунд:

«Лис, не забудь выключить свет в коридоре. Он опять горит целый день. И я тебя люблю».

Свет я так и не научилась выключать.

Глава 2. Дом на Пионерской

— Его правда снесут? — спросила я.

— Пока только обсуждают, — ответила тётя Света и поправила шарф на шее. — Но когда в бумагах появляется слово «обследование», ждать хорошего не приходится.

Она стояла на ступенях старой библиотеки, над которой ветер трепал вывеску «ДОМ ЧТЕНИЯ». Когда-то буквы были красными, теперь выцвели до цвета ржавчины. На двери висела табличка: «Здание временно закрыто по техническим причинам».

Во второй половине февраля я приехала в Бережск ночным автобусом из Петербурга. Решила, что проведу здесь два дня: помогу разобрать книги, увижусь с тётей Светой, вернусь к корректурам. Клиенты присылали мне рукописи почтой, и для работы был нужен только ноутбук. Всё остальное я научилась считать лишним.

— На сколько закрыли?

— Отопление прорвало в подвале в ноябре. Половицы повело, стены мокрые. Нам предложили раздать фонд по двум школам. А здание — под реконструкцию или списание, как комиссия решит.

Тётя Света говорила спокойно, будто обсуждала чужое простудившееся горло. Но я знала её с рождения — на маминых фотографиях она уже держит меня младенцем. В этом спокойствии было отчаяние.

— А кружок по воскресеньям?

— Приостановили.

— А дети?

— Лиза, дети, к сожалению, не могут читать в доме, у которого проседает перекрытие.

Она отперла боковую дверь и показала разрешённый для разбора книг коридор: дальше проход загородили лентой. Внутри пахло влажным картоном и пылью. Я вдруг вспомнила запах клея, которым Никита подклеивал корешки потрёпанных книг. Именно здесь мы познакомились. Я подрабатывала, составляя каталог, а он чинил освещение по просьбе библиотекарей. Потом он несколько раз приходил менять совершенно исправную лампочку в подсобке — признался лишь через полгода, — чтобы иметь повод зайти.

Я услышала его смех так ясно, что остановилась на пороге.

— Если тяжело, можешь не заходить, — сказала тётя Света.

— Нормально.

Это слово я научилась говорить за прошедший год без остановки и дрожи. Нормально. Почти нормально. Ничего страшного.

В зале стояли коробки. На высокой полке сохранилась фотография, где Никита держал лестницу, пока я прикрепляла бумажные снежинки к окну. Мы выглядели смешными и беззаботными людьми, которые не понимали, что такое возможно потерять.

Я отвернулась.

— Кто-то должен составить опись, — сказала тётя Света. — Если сейчас увезут книги, половина потеряется. В школе и без нас тесно.

— Я могу помочь.

— Два дня?

— Сколько получится.

Она сделала вид, что не услышала осторожности в моём ответе.

Через час мы сидели на складных стульях между коробками. Я переписывала инвентарные номера, а тётя Света рассказывала, как девочки из соседнего двора прислали библиотеке бумажные звёзды. Их приклеили на окно ещё в декабре, но изнутри звёзд уже не было видно: стекло запотело от сырости.

— Ты поедешь к Галине Ивановне? — спросила она вдруг.

Так звали маму Никиты.

— Я ей напишу.

— Лиза, она не знает, что ты здесь. Если узнает от соседей, обидится.

— Я понимаю.

И всё равно не обещала прийти. После похорон мы с Галиной Ивановной несколько месяцев держались друг за друга, как два человека в одной лодке, которая тонет. Потом она начала просить приходить чаще, говорить о Никите больше, не уезжать в Петербург. Я просила позволить мне иногда молчать. Ни одна из нас не могла исполнить просьбу другой.

Дверь в коридоре распахнулась от сквозняка. Вошёл высокий мужчина в тёмно-зелёной куртке. Он нёс рулетку, планшет с чертежами и бумажный стакан кофе, который, судя по пятну на крышке, уже успел пролиться.

— Светлана Александровна? — позвал он. — Я опоздал на двадцать минут, простите. Мост перекрыли.

— Артём, заходи. Только осторожно, у нас возле третьего стеллажа пол прогибается.

Мужчина посмотрел себе под ноги, потом на меня. Серые глаза, обветренные скулы, волосы слишком короткие для человека, которому есть дело до собственной причёски.

— Здравствуйте, — сказал он. — Артём Дементьев. Я по зданию.

— Лиза, — представила меня тётя Света. — Она по книгам.

Он едва заметно улыбнулся.

— Тогда нам, вероятно, придётся спорить.

— Почему?

— Я должен проверить, можно ли здесь вообще оставаться.

— А я уже здесь. Светлана Александровна сказала, что до этой части здания допуск есть.

Он опустил взгляд на мои коробки и промолчал. И почему-то именно это молчание раздражило сильнее любой попытки спорить.

Тётя Света ушла за ключами от подвала, оставив нас среди книг.

— Не подходите к ленте, — сказал Артём, постучав носком ботинка по половице. — Перекрытие после протечки проверяли только снаружи.

— Я осторожна.

— Мне бы хотелось, чтобы осторожности хватило.

— У вас у всех такая манера разговаривать? Сначала закрыть дверь, потом объяснить почему?

— Я не хочу объяснять после того, как кто-нибудь провалится сквозь пол.

Сказал он это без холодности, даже устало. Как человек, который привык, что его предупреждения принимают за угрозы.

— Что будет с библиотекой? — спросила я.

— Пока не знаю. Для этого и приехал.

Он сделал шаг к стеллажу, остановился перед заградительной лентой, вытащил карандаш из кармана и отметил что-то на плане. Я заметила на его запястье тонкий шрам, похожий на белую нитку.

— Можно хотя бы сохранить этот зал?

Артём посмотрел на высокое окно, на желтоватое пятно в углу потолка, потом снова на меня.

— Сохранить зал можно только одним способом: не притворяться, будто с ним всё в порядке.

Я хотела ответить резко, но он уже отвернулся. Его рука легла на дверной косяк, и я вдруг поняла, что он всё это время не давал мне пройти за ленту, где половица действительно уходила вниз.

Меня это почему-то рассердило ещё больше.

Глава 3. Девочка с жёлтыми варежками

На следующий день мужчина с рулеткой пришёл не один.

За ним в разрешённый для прохода тамбур проскользнула девочка лет девяти в жёлтых варежках. Она держала в руках пластмассовую коробочку с морской свинкой — я успела испугаться, пока не заметила, что зверёк ненастоящий, плюшевый.

— Соня, я просил подождать с Вадимом в машине, — сказал Артём.

— Я ждала. Но Вадим понёс инструмент, а тут, пап, книги. Можно посмотреть хотя бы одну?

— Из этого коридора ни шага. Тётя скоро приедет за тобой.

— Ты говоришь так, будто здесь дракон живёт.

— Дракон хотя бы не притворяется обычным полом.

Я впервые услышала, как Артём смеётся. Смех оказался низким и неожиданно мягким.

— А вы кто? — спросила девочка, подойдя ко мне.

— Лиза. Помогаю сортировать книги.

— Я Соня. Мне девять. Почти десять, но папа говорит, что до апреля ещё далеко. А у вас есть сказки с плохим концом?

— Обычно люди просят наоборот.

— У нас в школе велели придумать другой конец «Колобка», — объяснила она. — Я сделала так, что лиса его не съела, а заставила мыть посуду. Учительница сказала, что это слишком жестоко. А мне кажется, это честно.

Артём перестал раскладывать инструменты. На секунду мне показалось, что этот вопрос адресован не мне.

— И что ты ей ответила? — спросила я.

— Что лиса не обязана быть доброй. Она же лиса. Но Колобок мог бы хотя бы попробовать убежать.

— Ты права.

— Папа так же говорит, когда не хочет проверять мою математику.

— А математика у тебя сложная?

— Для него — очень.

Она засмеялась, а я неожиданно для себя улыбнулась в ответ.

Позже я узнала, что Артём занимается обследованием и реставрацией старых зданий. Вместе с Вадимом он руководил небольшой фирмой — ООО «Север». В библиотеке Артём не принимал решения о судьбе дома: собирал данные для технического заключения, а окончательный акт должна была утвердить независимая городская комиссия.

— То есть вы не можете просто сказать: «Оставим дом в покое»? — спросила я, когда Соня стала листать книгу из коробки у входа.

— Могу сказать. Но комиссия всё равно будет смотреть на расчёты.

Он показывал мне схему: красным были отмечены места, куда проникла вода. Я пыталась разобраться в обозначениях, но взгляд скользил по линиям. Они казались разрезами на живом теле.

— Здесь раньше стояла лестница, — сказала я, указывая на закрашенный квадрат. — Никита её однажды чинил.

— Никита?

— Мой… — Я запнулась. За четырнадцать месяцев так и не придумала слова, которое можно было бы произносить без боли. — Мой близкий человек. Его больше нет.

Артём не спросил, что случилось. Не извинился и не стал говорить, что понимает. Просто положил карандаш на планшет.

— Значит, у этого места для вас есть история.

— Да.

— Я учту это. Но историю нельзя подставить вместо несущей балки.

Хотелось возразить. Хотелось сказать, что иногда именно история и держит людей. Но он был прав хотя бы в том, что дерево не становится прочнее от воспоминаний.

Перед отъездом Соня попросила разрешения взять из вынесенной в коридор коробки толстую книгу о северных птицах. Она держала её бережно, двумя руками.

— Если библиотеку закроют, куда все книги денутся? — спросила она.

— Часть отдадут в школы.

— А если в школах нет места?

— Будем искать другое.

— Папа умеет искать места, — сказала Соня. — Он однажды нашёл нам квартиру, хотя я думала, что мы будем жить на вокзале.

— Соня, — тихо произнёс Артём.

Девочка покраснела.

— Я не про это. Я вообще.

Он подошёл и осторожно поправил съехавшую манжету её куртки.

— Я знаю. Ничего страшного.

Позже, когда сестра Артёма увезла Соню, он объяснил сам:

— Мы с её мамой развелись три года назад. Сначала жили отдельно, потом Соня осталась со мной. Мама приезжает, звонит. Просто… не всё получилось так, как мы думали.

Он не называл Лену плохой матерью и не пытался выставить себя безупречным. Этого я не ожидала.

— Зато вы умеете находить квартиры, — сказала я.

Артём улыбнулся.

— Это сомнительная похвала человеку, у которого сломался чайник и два раза за неделю пропадал интернет.

— Интернет особенно важен в воспитании ребёнка.

— Особенно если у ребёнка в школе доклад о перелётных птицах.

Уже собираясь уходить, я нашла в кармане листок, который Соня незаметно сунула мне в ладонь. На нём была нарисована книга с крыльями, а внизу стояла подпись: «Для библиотеки. Чтобы она могла улететь, если дом совсем сломается».

Вечером я положила рисунок в карман пальто рядом с деревянным домиком на брелоке. Это был маленький домик с крышей и крошечной дверью, который Никита когда-то выточил для меня.

Я долго не могла понять, почему два чужих подарка вдруг оказались рядом.

Глава 4. Письма в будущее

В пятницу тётя Света принесла из библиотечного кабинета жестяную коробку из-под печенья.

— Нашла в шкафу, — сказала она. — Помнишь, у нас был «Почтовый четверг»? Дети писали письма себе в будущее и просили открыть через год.

Я помнила. Пять лет назад Никита сделал для библиотеки деревянный ящик с прорезью, похожий на настоящий почтовый. Мы по четвергам собирали в нём письма и обещали ничего не читать. Потом кто-то уезжал, кто-то забывал, а самые нетерпеливые приходили ровно через триста шестьдесят пять дней и требовали конверт.

Тётя Света развязала пачку.

— Есть несколько без адресов. Мы не знаем, кому их отдать. А у тебя красивый почерк — поможешь переписать список?

Мы устроились в комнате районного клуба, которую нам разрешили занимать до обеда. В библиотеке можно было разбирать фонд, но собирать детей под аварийной крышей Артём запретил ещё вчера. На столе стояла сахарница, которую тётя Света принесла вместе с термосом.

Первый конверт подписал мальчик: «Мне, если я уже стал ветеринаром». Второй — девочка: «Открыть, когда перестану бояться темноты». Третий был совершенно пуст снаружи. Я повертела его в руках и вернула в коробку.

— Ты бы что написала себе год назад? — спросила тётя Света.

Я могла ответить сразу: «Не проверяй телефон каждые пять минут. Он не позвонит». Но промолчала.

— А сегодня? — продолжила она.

— Что я пока жива.

Она потянулась ко мне через стол и положила ладонь на мою руку. Не стала спорить, что это слишком мало. За это я была ей благодарна.

К полудню в клуб пришли шесть детей и две мамы. Оказалось, тётя Света не отменила воскресный кружок: раньше она переносила его из комнаты в комнату, а теперь попросила соседний клуб дать помещение хотя бы на день. Хозяин зала уже предупредил, что по воскресеньям здесь репетирует хор.

Соня тоже пришла с отцом. Увидев детей, бросилась к ним, а Артём вздохнул так тяжело, будто ему поручили перевезти целый театр.

— Мне нужно отвезти Вадиму чертежи, это на соседней улице, — объяснил он. — Если вы не против, Соня побудет с вами полчаса?

— Не против, — сказала я. — Но только если она сама захочет.

— Договорились.

Мы разложили чистые листы на столе. Я предложила написать письма себе будущим, но с одним условием: нельзя требовать от будущего человека быть идеальным.

— А можно написать, что у меня будет хомяк? — спросила девочка с косой.

— Можно, — сказала я. — Это же письмо, не договор с хомяком.

— А если мама не разрешит?

Соня, не поднимая головы, сообщила:

— Тогда попроси у себя из будущего улитку. Улитка почти не шумит.

Дети заспорили, нужна ли улитке отдельная комната. Я перестала поправлять листы и слушала. Мне нравилось, что у них впереди есть время даже для такой ерунды.

За окном колыхалась голая ветка сирени. Я смотрела на девочку, склонённую над бумагой, и вспоминала десятки обещаний, которые Никита давал мне между делом: летом съездим

к морю, научусь печь хлеб, заведём собаку, когда будет своя квартира. Он не лгал. Просто жизнь оказалась короче наших планов.

Когда дети ушли, Артём помог мне убрать стулья.

— Соня говорит о будущем так, будто ей шестьдесят, — сказала я.

— Иногда дети взрослеют раньше, чем нам хотелось бы.

— Ты можешь говорить «ты». Мы уже третьи сутки вместе таскаем мебель.

— Тогда и ты можешь, — ответил он. — Но предупреждаю: на «вы» мне проще делать замечания по технике безопасности.

Я сдвинула стул на безопасное место.

— Ещё одно замечание — и я начну требовать каску.

Он рассмеялся. Мне нравилось, что в смехе не было настойчивого приглашения посмеяться вместе. Можно было откликнуться, можно было остаться серьёзной.

Я складывала чистые чашки в пакет, когда заметила Соню возле жестяной коробки. Она смотрела на неё издалека.

— Хочешь написать ещё письмо? — спросила я.

— Я уже написала.

— Себе?

— Не совсем.

Она достала из кармана сложенный пополам листок.

— Можно положить сюда, но не открывать до апреля? У меня день рождения в апреле.

— Конечно.

— Даже папе не показывать?

— Это твоё письмо.

Соня осторожно опустила бумагу в коробку. Потом спросила:

— А если я напишу маме, она это потом прочитает?

— Если ты сама захочешь ей показать.

— А можно не показывать? Она уже второй раз говорит, что приедет, а потом у неё работа. Я не хочу писать «приезжай». Пусть сама догадается.

Соня смяла угол листа. Потом разгладила его ногтем. Я узнала это движение: когда ждёшь от другого невозможного, хочется хотя бы бумагу выпрямить.

— Можешь написать только для себя, — сказала я. — И никому не отдавать.

— Тогда я напишу. Только не заглядывайте.

— Не буду.

Она убежала к столу за фломастером, оставив на полу варежку. Я подняла её и положила рядом с жестяной коробкой.

Вернувшийся Артём стоял в дверях. Я не знала, сколько он слышал. Он ничего не спросил, только протянул дочери шапку.

Когда они ушли, я нашла на столе маленькую записку: «Спасибо, что у нас сегодня была библиотека. Соня».

Внизу, другим почерком, было дописано: «Даже если в библиотеке всего одна комната, она всё равно библиотека. А.»

Я прочитала фразу два раза, затем положила её между страницами книги, которую намеревалась забрать в Петербург.

Глава 5. Суббота с гвоздями

План у тёти Светы был простым: разобрать две нижние полки, перенести уцелевшие книги в сухой коридор и уговорить инженеров дать нам ещё неделю на вывоз фонда.

— Последний пункт от меня не зависит, — предупредил Артём, приехавший в субботу с инструментами.

— А первые два? — уточнила тётя Света.

— Только если не заходить за ленту. Я покажу, какие полки можно снять.

— Вот видишь, Лиза, какой у нас оптимист.

На улице стоял мороз. К стеклу приставали сухие снежинки, а радиатор на кухне едва шевелил воздух. Артём открыл ящик с инструментами и предложил снять стеллажи в безопасной комнате у входа, а коробки сразу передавать грузчикам клуба. Для остальной части здания он вызвал профессиональную бригаду.

— Но это займёт целый день, — сказала я.

— Тогда хорошо, что сегодня суббота.

Соню он оставил у своей сестры: та собиралась вести девочку на каток. Я впервые увидела Артёма без осторожной отцовской сосредоточенности. С утра он уже успел поссориться с Вадимом: тот прислал машину для вывоза коробок на час позже, и Артём при всех назвал его безответственным.

— Машина была у больницы, — сказал Вадим. — У водителя мать забрали ночью. Я тебе писал.

— Надо было позвонить, — отрезал Артём.

Вадим посмотрел на него так, что мне стало неловко. Он молча взял две коробки и вышел.

— Зря ты так, — сказала я.

— Я отвечаю за сроки. У людей там книги мокнут.

— А он за мать водителя не отвечает?

Артём поморщился. Только к обеду, когда Вадим вернулся, подошёл к нему у дверей. Я не расслышала слов; увидела, как тот коротко кивнул. Никакого красивого примирения не получилось. Вадим всё равно весь день отвечал ему односложно.

Артём работал быстро, но не суетился, разговаривал с деревом как с капризным соседом: «Ну, давай без этого», «Ещё немного», «Я тебя понял». Каждый раз, когда гвоздь выходил из доски, он складывал его в жестяную банку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.